

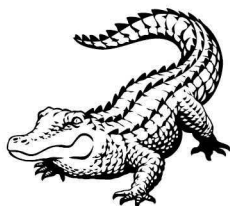
Елена
Михалкова

Редакционно-издательская группа
«Жанровая литература»
представляет книги

ЕЛЕНА МИХАЛКОВОЙ

Знак истинного пути	Нежные листья, ядовитые корни
Время собирать камни	Черный пудель, рыжий кот, или Свадьба
Дом одиноких сердец	с препятствиями
Темная сторона души	Бумажный занавес, стеклянная корона
Жизнь под чужим солнцем	Пирог из горького миндаля
Остров сбывшейся мечты	Закрой дверь за совой
Водоворот чужих желаний	Нет кузнечика в траве
Рыцарь нашего времени	След лисицы на камнях
Призрак в кривом зеркале	Кто остался под холмом
Танцы марионеток	Человек из дома напротив
Улыбка пересмешника	Самая хитрая рыба
Дудочка крысолова	Прежде чем иволга пропоет
Манускрипт дьявола	Ваш ход, миссис Норидж
Иллюзия игры	Тигровый, черный, золотой
Золушка и дракон	Перо бумажной птицы
Алмазный эндшпиль	Тот, кто ловит мотыльков
Восемь бусин на тонкой ниточке	Лягушачий король
Комната старинных ключей	Мертвый кролик, живой кролик
Котов обижать не рекомендуется	Посмотри, отвернись, посмотри
Кто убийца, миссис Норидж?	Колодец и бабочка
Тайна замка Вержи	Что дальше, миссис Норидж?
Пари с морским дьяволом	Королевский аркан
Охота на крылатого льва	

Елена
Михалкова

**Человек
из дома
напротив**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
М69

*Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.*

Фотография автора — Светлана Стуканёва

Оформление — Екатерина Ферез

*В оформлении используется работа художника
Екатерины Белявской*

Михалкова, Е.

М69 Человек из дома напротив: [роман] / Елена Михалкова. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 352 с. — (Безупречный детектив).

ISBN 978-5-17-182909-4

Тебе некуда идти?

Выбери дом, в котором никто не живёт.

У тебя нет денег?

Поселись в нём, притворившись хозяином.

Тебе недостаточно страшно?

Найди ключ от запертого подвала.

Хочешь пожалеть о том дне, когда всё началось?

ОТКРОЙ ДВЕРЬ.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-182909-4

© Михалкова Е., 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

ГЛАВА 1

Никита Сафонов

1

Я знаю, с чего все началось. Камера наезжает, камера берет крупный план: ключ в руке, замочная скважина. Темный дверной проем. Изнутри тянет холодом. Все дома, где давно никто не жил, пахнут одинаково.

Вот он, поворотный момент моей биографии: первое октября.

В этот день я нарушил закон. Две спортивные сумки и офисное кресло — с этими пожитками я переехал в коттедж. Больше у меня ничего не было.

Сильнее всего я цеплялся за кресло, хотя, видит Бог, в новом доме хватало стульев и диванов. С первого октября я стал королем, владения мои были необъятны — триста квадратных метров полезной площади! Но я перевез туда свой потертый трон, символ не совсем утерянной власти над самим собой, мое транспортное средство в светлое будущее — на четырех колесиках, из которых одно постоянно заедало. Человека, у которого есть офисное кресло, нельзя назвать совсем уж пропащим.

Сколько дней назад это случилось? Хотелось бы мне знать! Я сижу на полу в незнакомой комнате, на картонке передо мной миска с водой. Рук не чувствую: кажется, связаны. Единственное окно небрежно заклеено малярным скотчем, сверху сквозь узкую полосу пробивается свет.

За дверью кто-то ходит. Я жду, когда она распахнется, и в то же время панически этого боюсь. Кого я увижу?

Десять минут назад я пытался позвать на помощь, но сумел издать только жалкий писк: «Мама!» — как ребенок, испуганный ночным кошмаром, но знающий, что мать в соседней комнате: она придет, успокоит его и прогонит черных тварей, гнездящихся под кроватью.

Мама давно умерла. Я здесь один, перед железной миской, в которой отражается мое перекошенное лицо. Нет, все началось не первого октября. Раньше.

2

Из съемной квартиры меня выставили. На лестничной клетке, где я притулился, возник откуда-то черный кот с круглой сытой рожей и запрыгнул на подоконник. Так мы и сидели: домашний кот и бездомный я. Будущее представлялось мне заброшенным тоннелем метро, по которому я бреду, пока других пассажиров уносит в выбранном направлении поезд с кондиционером и бесплатным вай-фаем. Осторожно, двери закрываются! Следующая станция — «Начало Семейной Жизни». За ней «Ипотека» — проскочить бы ее побыстрей! — и «Карьерный Рост» (платформа справа).

А у меня ржавые рельсы и полная неизвестность впереди.

Я погладил кота. И вдруг из темноты мне навстречу выступил в ореоле слабого света Илья Евгеньевич Рытвин.

Рытвин появился в моей жизни чуть меньше года назад. Один из тех людей, которые везде и со всеми ведут себя как со старинными приятелями; эта манера заставляла меня чувствовать себя не в своей тарелке. Он переезжал во Францию, а свой дом в Подмосковье хотел сдать на длительный срок. Ему посоветовали меня — вот и вся история.

Он не назвал рекомендателя. Но я был так счастлив внезапно свалившейся работе, что не стал допытываться. Рытвин вручил мне необходимые документы и отбыл, сообщив напоследок, что не собирается меня контролировать.

Вскоре стало ясно, что радоваться нечему. Двадцать километров от кольцевой; коттеджный поселок; большой одноэтажный дом. Вокруг — ничего. Ни озер, ни леса, ни захудалой речушки: бескрайнее голое поле, а на нем жмутся друг к другу дома, как испуганные дети. Очень странное место! Впрочем, за два года я насмотрелся на странные места, которые люди выбирали себе для жизни.

Но рытвинский дом никому не подходил.

Спустя полгода я мог лишь молиться о том, чтобы пришел дурак с деньгами, которого соблазнили бы двадцатиметровая кухня, три санузла и утепленная мансарда.

Что ж! Мое желание сбылось, хоть и в несколько извращенной форме.

Здравствуйте. Меня зовут Никита Сафонов, я дурак без денег. И я тот человек, который поселился в доме Рытвина.

В чужом доме.

На двадцатиметровой кухне я заваривал «Доширак». Санузлами пользовался поочередно, назначив утренний, дневной и вечерний. Протирал влажной тряпкой единственную полюбившуюся мне вещь, реликтовое чудовище: огромный дисковый ретротелефон, на вид годов эдак двадцатых, с тяжелой трубкой, напоминавшей шланг для душа, и буквами от А до Л во внутреннем круге. В подвал не спускался до того самого дня, когда...

Но об этом позже.

Утром я пешком шел до станции. Автобус вез меня по пробкам в Москву. Я глазел на желтеющие деревья, на девушек в ярких куртках и размышлял о том, что для неудачника я не так уж плохо устроился. Какая-нибудь работенка да подвернется. Мне требуется не так уж много: перезимовать, подкопить денег и вернуться к нормальной жизни.

Последний год слился в нескончаемый день дохлого сурка. А здесь я наконец-то ожил.

Соседям я хотел представиться сторожем, однако никто не проявил ко мне интереса. Единственный, кто заглядывал в гости, — чей-то полосатый котяра, наглый и ласковый. Он готов был продать восемь жизней из девяти за быстрорастворимую лапшу, и время от времени я угощал его. В благодарность он оставлял на крыльце задушенных мышей.

Если утром ты находишь на перилах бездыханного грызуна, не торопись возмущаться. Подумай о том, что кто-то заботится о тебе.

Лишь одно беспокоило меня — человек из дома напротив.

Двухэтажный дом белел за кованой оградой, вблизи от дороги. Возвращаясь из города, краем глаза я замечал, как кто-то перемещается по первому этажу, явно следуя за мной. Силуэт возникал в одном окне, в другом, в третьем... Я чувствовал на себе внимательный взгляд. Однажды я резко обернулся, и обитатель коттеджа исчез. Он не особенно таился, но и не желал, чтобы я рассмотрел его.

Когда это повторилось на седьмой день, я свернул с дорожки, перемахнул через невысокое ограждение и позвонил в дверь. Мне показалось, внутри слышны приглушенные шаги. Но никто не открыл.

Вечером десятого октября я бессмысленно бродил по комнатам и вдруг решил спуститься в подвал. Зачем? Не могу сказать наверняка. Меня взволновала случайная встреча с давним знакомым, которого я считал умершим, а потом я заскучал и от скуки решил осмотреть свое временное пристанище.

Подвальное помещение оказалось закрыто. Я растерялся. Стоя на освещенной лестнице с бесполезным тяжелым фонарем в руке, я зачем-то постучал по двери и прислушался, словно мне могли ответить изнутри.

Для чего запирать подвал?

Долю секунды я колебался, не повернуться ли мне и не уйти, выкинув из головы железную дверь и то, что за ней скрыто. Поступи я так, моя жизнь сложилась бы иначе, и я не сидел бы сейчас на холодном полу перед миской с водой. Но любопытство пересилило. Я поднялся наверх, обыскал холл и в глубине выдвижного ящика нашел ключ.

Отперев дверь, я постоял, собираясь с духом, и толкнул ее, стараясь казаться уверенным неизвестно перед кем. Студия для съемок порнографических фильмов? Коллекция оружия? Склад героина? Труп? Я принялся. Пахло только пылью и чем-то химическим, очень знакомым. Я обругал себя идиотом, сообразив, что ни один человек в своем уме не станет сдавать дом с трупом в подвале, разве что у него на редкость специфическое чувство юмора.

Я включил свет и вошел.

3

Сказать, что я изумился, — значит ничего не сказать. Кюветы, фотоувеличитель в углу — совершенно такой, как был у меня, когда в юности я увлекался фотографией и сам печатал снимки; бутылки с реактивами, воронки и мензурки; наконец, светильник с красным фонарем... Я оказался в любительской фотолаборатории.

Но не оборудование поразило меня, а глянцевые листы, приколотые к пробковой доске над столом.

Это были репортажные снимки. Четыре снимка, сделанные не меньше десяти лет назад. Я так уверенно определяю срок, потому что с первого взгляда узнал людей, пойманных камерой.

Артем Матусевич.

Эмиль Осин.

Борька Лобан.

Люба Сенцова.

Мои сокурсники, с которыми я водил дружбу во времена студенчества!

И все они были мертвы.

Не на фотографиях, нет. Там, в черно-белой реальности, они были живы и совсем молоды. Третий курс? Четвертый? У Любки короткий ежик на голове: значит, третий. К началу учебного года она побрилась налысо, а любопытствующим и острякам заявляла, что проходит курс химиотерапии. Я бы побоялся шутить такими вещами, но Любке было начхать. Волосы у нее росли быстрее, чем трава по весне, и к концу сентября она уже пользовалась расческой, а те, кто поверил в ее выдумку, плевали ядом ей вслед.

Эмиль был сфотографирован в кафе, Матусевич — за рулем своей «Тойоты», насупившийся Борька курил возле факультета, а Сенцова переходила улицу, глядя чуть мимо фотографа. Казалось, еще немного, и насмешливый взгляд упрется в меня, рассматривающего ее спустя восемь лет после того, как нога в черном мартинсе ступила на зебру.

Никого из них не осталось в живых. Я слышал, что Любка ввязалась в пьяную драку, а Осин сломал себе шею, свалившись в неогороженную яму, оставленную строителями. Про Артема толком не знаю — кажется, сердечный приступ. Борька Лобан утонул.

И вот они здесь, передо мной, на стене подвальной комнаты, в доме, где я оказался по чистой случайности.

Этого просто не могло быть.

Я взлетел по лестнице и обежал комнаты, заглядывая под кровати и в шкафы. Кто-то был здесь, в *моем* коттедже. Кто-то распечатал и повесил фотографии моих покойных приятелей, и произошло это недавно — поверхность двух кювет была еще влажной.

РЫТВИН ответил на мой зво-

нок почти сразу.

— Никита! Рад слышать. Неужели сдал мою халупу? Я надеялся...

— Илья Евгеньевич, — перебил я, — у кого еще есть ключи от вашего дома?

— Э-э-э... Ни у кого! Только у нас с тобой.

— Не может быть! Вспомните, пожалуйста!

Я выдумал потенциальных клиентов, которые пожелали осмотреть подвал, а там неожиданно для всех оказалась лаборатория. О снимках на пробковой доске упоминать не стал.

— Это какая-то глупость, ей-богу, — с искренней, как мне показалось, растерянностью, сказал Рытвин. — Что за лаборатория? Я не фотограф. Ник, ты не бухой ли, часом?

— У кого еще есть ключи? — настойчиво повторил я.

Однако Рытвин стоял на своем. В конце концов он, похоже, решил, что это какой-то розыгрыш, и, благодушно похохатывая, повесил трубку.

А я остался в доме с фотографиями, которым неоткуда было здесь взяться.

У меня не имелось логического объяснения происходящему. Какой-то иррациональный страх мешал вновь спуститься в подвал; я запер верхнюю дверь, за которой начиналась лестница, и в совершенном смятении вернулся в свою обжитую комнату.

Два часа спустя электричка «Москва — Владимир» увозила меня из города. Я ехал к Тане. Моя прекрасная сестра — воплощенное благоразумие, и если кто и мог рассеять этот морок, то лишь она.

Вернулся я спустя четыре дня, совершенно успокоившийся. Таня убедила меня, что это недобрый розыгрыш хозяина, который, несомненно, навел обо мне справки, прежде чем передавать ключи от своего дома, и развесил в подвале фотографии, позаимствовав их у кого-нибудь из моих бывших сокурсников. Вряд ли он догадывался, какая участь постигла моих приятелей. Странная жестокая мистификация — только и всего.

Я напомнил сестре про кюветы. Она пожалала плечами: должно быть, они были наполнены водой и за несколько месяцев высохли не полностью.

О женщина, оплот здравомыслия! О ясный практический ум! Я вошел в дом, весело насвистывая, как человек, которому сделали прививку от нелепых страхов. Отличный день! Мне даже удалось забежать на ипподром и посмотреть заезд. Бегущие лошади — невероятное зрелище. Именно то, что требовалось, чтобы окончательно прийти в норму.

Не стоило устраивать в подвале мемориал моего студенческого прошлого. Я неторопливо спустился, чтобы забрать снимки.

Распахнулась дверь, вспыхнул свет, и мне бросилось в глаза, что фотографий стало пять.

На пятом снимке был я.

Не помню, как швырял вещи в сумку. Мое первое осознанное воспоминание — тяжелый ключ, который подпрыгивает в моем кула-

ке, точно упрямое живое существо, не желающее лезть в замочную скважину.

В конце концов я просто сунул его в карман. Пусть в этот проклятый дом заходит кто хочет! У меня стучали зубы. Бежать! Бежать к сестре, в гостиницу, куда угодно, лишь бы подальше отсюда. Я вцепился в сумку и кинулся к дороге, но тут за моей спиной приглушенно зазвонил телефон.

Я забыл на столе свой сотовый.

Я стоял и слушал, как он надрывается, — старый телефон с царапинами на корпусе, служивший мне верой и правдой последние пять лет, — и понимал, что без него уходить нельзя. И дело даже не в том, что мне необходимо постоянно быть на связи, нет. Просто это было как... как оставить врагу свой талисман.

Фотографии смеющейся сестры, глупое селфи в кинотеатре, номер Алисы, ее сообщения, которые я так и не стер...

Нельзя все это бросить.

Я поставил сумку на землю, быстро зашел в дом, схватил надрывающийся телефон, увидел незнакомый номер на экране, подумал: «Спамеры, мать их!» — а в следующую секунду меня ударили по голове и я провалился в темноту.

ГЛАВА 2

1

—Моя фамилия Порошина, по мужу, — зачем-то объяснила женщина, войдя в квартиру.

«Милая и очень испуганная» — вот было первое, что подумал Сергей Бабкин. Она извинилась, что не захватила бахилы, попыталась снять запылившиеся туфли, снова попросила прощения и только затем, к облегчению Сергея, на цыпочках прокралась в комнату, где ждал Макар Илюшин.

Никто не доставляет таких хлопот окружающим, как люди, отчаянно старающиеся не мешать. Бабкин заварил чай и принес в гостиную.

Она покосилась на чайник со страхом, будто ей предложили яд, а не черный рассыпной с бергамотом. Дрожащими руками достала из сумки фотографию и протянула Сергею. Он бросил взгляд на снимок, прежде чем передать его Илюшину. Молодой парень лет тридцати с приятным невыразительным лицом; худощав, сутул, под глазами круги. Офисный трудяга, должно быть.